

Александр Куприн

Жрец

Александр Куприн

Жрец

«Public Domain»

1905

Куприн А. И.

Жрец / А. И. Куприн — «Public Domain», 1905

«Доктору Чудинову надоела его городская квартира, с зеркалами и альбомами для развлечения посетителей, опротивели и сами пациенты: вновь заболевшие – испуганные, бестолковые; старые, уже привыкшие – уныло-покорные. И все они казались Чудинову ужасно невежественными, неразвитыми, с детской наивностью, которая так не шла к усатым взрослым лицам...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Александр Иванович Куприн

Жрец

I

Доктору Чудинову надоела его городская квартира, с зеркалами и альбомами для развлечения посетителей, опротивели и сами пациенты: вновь заболевшие – испуганные, бестолковые; старые, уже привыкшие – уныло-покорные. И все они казались Чудинову ужасно невежественными, неразвитыми, с детской наивностью, которая так не шла к усатым взрослым лицам.

Когда-то эта беспомощность умиляла доктора, заставляла работать; теперь же он, встречая виновато-доверчивый, вопрошающий взгляд больного, делал гримасы и кричал:

– Я не господь бог, поймите вы это раз навсегда. Я – врач, у меня лечебница, а не силовская купель. Каждому из вас я сто раз твержу: не пейте, даже не нюхайте вина!.. Нет, свое... ну, теперь радуйтесь!..

Случалось, что он бросал на пол инструменты, женщинам говорил дерзости. В больнице его раздражал острый запах йодоформа. А раньше он ему нравился, и жалующимся на него Чудинов говорил, крепко потирая руки:

– Это потому, что вы не врач... А я нюхаю его и говорю – это здоровье, здоровье... Слышишь этот запах, и работать хочется.

Порою на Чудинова нападала тяжелая тупая хандра, грудь давило тошнотное ноющее чувство, и он проклинал свою известность, которая сделала его одиноким.

– Отчего это у меня? – недоумевал Чудинов и, боясь дать себе давно назревший у него, определенный ответ, принимал бром, успокаивал себя, что он заработался и все это пройдет, как только он съездит за границу. Поделиться мыслями ему было не с кем, так как странным показалось бы и неподобающим, чтобы знаменитый Чудинов, «авторитет», вдруг начал жаловаться на скуку и неудовлетворенность в жизни.

Во вторник на страстной его позвали на консилиум к умирающему паралитику. Посещение богатого знатного дома доктором с такой известностью, которой пользовался Чудинов, могло быть шокирующим, и молодой домашний врач, приглашавший его, объяснил, что для семьи больного Чудинов будет в некотором роде инкогнито.

– Допустим, что ваша фамилия Заславский, или нет, подумают – еврей, лучше Павлов, доктор Павлов... хотя это, впрочем, и не понадобится, вероятно... – говорил молодой доктор, входя с Чудиновым в бесшумно распахнувшуюся перед ними гигантскую стеклянную дверь подъезда на Сергиевской.

Чудинова охватила нравившаяся ему с детства прозрачная и пахучая атмосфера богатого барского жилья.

Лениво потягиваясь, от камина поднялся красавец пойнтер и доверчиво тыкался холодным носом в руки раздевавшихся докторов. На овальной вешалке, между ротондами, жакетами, висела шашка в металлических ножнах, несколько военных шинелей. Одна с красной подкладкой и кантами, другая – с вензелями на погонах и орлами на пуговицах.

И это издававшее аромат, брошенное на вешалку платье, странным образом возбуждая мечтательность, говорило Чудинову о владельцах вещей – беспечных, богатых, вероятно, веселых. Оттого, что он не видел их лиц, они представлялись ему интереснее, ярче, типичнее, и у Чудинова шевельнулось чувство, близкое к зависти: почему он сам не гусарский корнет, конфетно-красивый, имеющий успех у этих глупых, но интересных светских женщин?

Подымаясь за лакеем по ковровой дорожке, закрытой полотном и притянутой к отлогой лестнице бронзовыми прутьями, Чудинов думал: «А все же вы зовете меня...»

И то, что он являлся местью за эту праздную, дразнящую его по временам беспечную жизнь, служило ему злорадным удовлетворением.

Чудинов поймал себя на дурных мыслях и подумал то, что часто думал за последнее время: «Да, это старость подходит... преждевременная старость в сорок пять лет. Раньше все было впереди, теперь нечего ждать, и организм требует грубых удовольствий, простой, несложной жизни...»

В полутемной гостиной, с тускло блестевшей мебелью и зеркалами, молодой коллега Чудинова сказал ему: «Одну минутку, я сейчас», – и бесшумно скрылся за портьерой. Не зная, что ему делать – стоять или сесть, Чудинов ожидал минут пять. Постепенно приближаясь, послышался разговор вполголоса, шелест юбок, и с молодым врачом позади к Чудинову вышла высокая девушка в черном, с той уверенной манерой держаться, которая дается воспитанием.

– Простите, татап не совсем здорова, – заговорила она, подавая Чудинову руку без замедления и просто, как здороваются с людьми, позванными по делу. – Я не знаю, право, как быть... Папе теперь немного лучше, он уснул, и доктор Штроок не велел его будить, но татап, если вы позволите, имеет еще к вам просьбу... осмотреть моего больного брата... Может быть, пока папа проснется, вы употребите на это время...

Чудинов угловато и сдержанно поклонился.

– Тогда пройдемте... – Привычным движением носком ботинки она откинула длинное завернувшееся наперед платье и, подобрав его, пошла впереди, легко посту кивая каблукками.

У Чудинова мелькнула мысль, зачем она нужна, когда здесь домашний врач, но сейчас же он понял, что это просто та любезность, по которой его не желали заставлять ждать и выдумали еще больного...

Незаметными, сделанными под обои боковыми дверями они вышли из зала и по трем ступенькам спустились в теплый коридор, далеко лоснившийся своим дубовым паркетом.

Потолок здесь был ниже, и Чудинов вместе с каким-то закулисным запахом краски и старой мебели, идя рядом с молодой девушкой, ощущал острый дразнящий аромат сильных духов, и беспокойное чувство, которое они сообщали, усиливалось шелестом юбок. Чтобы объяснить некоторую дальность пути и подготовить доктора, она говорила:

– Я должна сказать вам – брат мой всегда болен, то есть он болен от рождения... он страдает слабоумием... любезностью, ясно поглядывая в глаза доктору, и так просто и спокойно, как сообщают о насморке, лихорадке.

Чудинов с учтивой готовностью в глазах покачивал при каждом ее взгляде головой, точно ему очень приятно было слышать, что брат его шуршащей шелком, пропитанной духами собеседницы страдает идиотизмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.